

Неполных 43 года земного бытия и почти полтора века мировой славы

СКУЛЬПТУРНАЯ группа памятника тысячелетию России запечатлела двух великих русских, чей вклад в отечественную и мировую литературу, несравнимо с другими — огромен: А.С.Пушкина и Н.В.Гоголя. Одетые то ли в дорожные плащи, то ли в подобие древнеримских тог, два гения планетарного разума как бы общаются друг с другом посредством братского рукопожатия...

Так уж получилось, что Александр Пушкин передал писательскую эстафету свою Николаю Гоголю. Близость их творчества заключалась прежде всего в народности и высокой гражданской позиции, свойственным и тому, и другому. Недаром многие исследователи ищут общее в "Руслане и Людмиле" Пушкина и ранних повестях Гоголя. И там, и там обрисован яркий, фантастический мир — это не пресловутая "сэйнс фикшен", ныне обрушившаяся на россиян с экранов телевидения и видео, — с "гоботами", "терминаторами", "звездными войнами", "черепашками ниндзя", "спасателями" типа американских бурндуков... Чипа и Дейла, а пленительное кружево, "Сказки — были", где добро и зло не рядятся в космополитические "скафандры", а предстают перед читателями в облике хорошо знакомых русских и малороссийских князей, богатырей, крестьян, панов, гайдуков, казаков, гусяров и бандуристов. Даже "страшные" волшебники вполне "приземлены": у одних "сила — в бороде", другие "телекинезом" (как нынче бы выразились!) забрасывают в рот вареники со сметаной, а "ведьма-панночка" из "Вия" летает над землей... на незадачливом бурсаке Хоме Бруте (а отнюдь не на гипотетической "тарелочке")... и повсюду у Пушкина и Гоголя "силы зла" неизбежно... бессильны против тех, кто честен и живет по совести, по христианским и человеческим, писанным и неписанным законам! ...Родина Николая Васильевича Гоголя-Яновского — тогдашняя Малороссия (нынешняя Украина) — одна из ветвей Великого славянского племени, где причудливо перемешались древние предания и суеверия, современность и патриархальность, язычество и христианство, кровь разных народов, совершающих Богом назначенный им путь, где на памяти еще и польская, и турецкая пята, и многие столетия борьбы за обретение Родины, свободной от басурманов и влившейся в общую семью славян, не могла не дать сво-

явно — либо сознательно, либо по неумению — пустившими "по ветру" наживавшиеся десятилетиями и столетиями народное достояние — российскую державу? Хлестаковы нынче на гребне своего "могущества"! Они "все могут" (или так считают?) и за все берутся (часто не имея никакого навыка и способностей!). Прирал такой "иван александрович" на банкете в честь высокого должностного лица, "пустил пыли в глаза", глядишь — и пошел наверх: вот он уже "советник по... вопросам", и вопросы эти, разумеется, "летят в тартарары"! Но это не смущает ни "ивана александровича", ни его покровителей: ведь делают-то они "общее дело", стремясь окончательно развалить страну! Будучи же "столоначальником" вблизи Кремля или в иных "теплых апартаментах", сей современный — просто-таки вневременной — "хлестаков", как и его предшественник, успевают "набрать взаимы", "запустить руку" в государственный карман, а потом исчезнуть, как один из "советников", ныне разыскиваемый российскими органами следствия! Только, как и гоголевский персонаж, которому выделили "лучших лошадей", современный "хлестаков" неуловим: живет он под чужой фамилией в одной из "банановых" республик да денежки, взятые "взаимы", транжирит... Если много "занял", то надолго и хватит! Гуляйте российские пенсионеры и бюджетники — ваши "кровные" в "надежных руках"! "Их дом", "хлестаковских", — не только вся Россия, а весь "децилизованный" мир, мир аферистов и жуликов. Такие дела!

Ну а другие персонажи из "Ревизора" — так просто сами просятся... быть нашими современниками! Неужели вам, уважаемый читатель, не встречался "городничий" — хамоватый, наглый и вороватый одновременно? Много таких "мэров" и "пэров", "сэров" и... сидят у кормила власти в запасшихся договорами "о разграничении полномочий" регионах! "Ключ" к их сердцу (вернее, отмычка!) — это, безусловно, взятка — любимое "детиче" гоголевского "городничего". Их "аргумент" — волосатый кулак. Любят нынешние "городничие" власть! Власть для них, как спиртное для алкоголика или марихуана для употребляющего наркотики, как батарейки из титана для того зайца, что каждый день идет с "долгоиграющим" барабаном по всем каналам Российского телевидения!

СОНИ И ЯВЬ НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ

ему сыну массу впечатлений, сослуживших хорошую службу при начале и в зрелом периоде его литературного творчества. Выросший среди народа, хорошо знающий его чаяния и помыслы, быт и фольклор, писатель не мог не возвращаться (не раз и не два!) к образу самого народа. А возвышенные, полные восторга картины родной природы:

"Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное и голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землю, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях свои! На нем ни облака. В поле ни речи. Все как будто умерло; вверху только, в небесной глубине, дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюбленную землю, да изредка крик чайки или звонкий голос перепела отдастся в степи... Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пестрыми огородами, осеняемыми статными подсолнечниками... Нагнувшиеся от тяжести плодов широкие ветви черешен, слив, яблонь, груш; небо, его чистое зеркало-река в зеленых, гордо поднятых рамках... как полно сладострастия и неги малороссийское лето!"

Недаром немного позднее один из величайших русских писателей Иван Алексеевич Бунин восторгался и "Старосветскими помещиками", и "Страшной местию", и другими гоголевскими произведениями.

Вчитайтесь в отрывок из "Майской ночи, или Утопленницы", входящей в "Вечера на хуторе близ Диканьки":

"Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в нее. С середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее. Горит и дышит он. Земля вся в серебряном свете; и чудный воздух и прохладно-душен, и полон неги, и движет океан благоуханий. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали леса, полные мрака, и кинули огромную тень от себя. Тихи и покойны эти пруды; холод и мрак вод их угрюмо заключен в темно-зеленые стены садов. Девственные чащи черемух и черешен пугливо протянули свои корни в ключевой холод и изредка лепечут листьями..."

Явственно ощущаешь и звездное небо, сливающееся вдаль с землей, и землю в ночном, серебряном полумраке, и загадочную тень лесов, и пронизывающий холод воды, из которой может появиться... Русалка! Колдовская, фантазмагорическая, неповторимая ночь! Где еще она бывает такой, как не в милой Гоголю Малороссии? Разве можно ее сравнить с серой английской или "угрюмо-фиордной" — скандинавской, или желто-красной, африканской? Никогда! И день, и ночь на Родине — что еще может быть прекраснее?

Перечитываю раннего Гоголя, и нет слов выразить восхищение его великолепным и одновременно простым языком, его простыми и неимоверно сложными, порой противоречивыми образами, великой любовью к Родине, к человеку, заложеными в каждой строке "Вечеров...", "Миргорода"... Его, гоголевские, паны и паненки, девушки и парубки, простые крестьяне, казаки, мещане, даже ведьмы и колдуны написаны с такой трепетной заботой и нескрываемой нежностью, такой человечностью, что невольно напрашивается титул: волшебник слова! Именно колдовское волшебство гоголевских образов, персонажей и картин завораживает и делает нас... "соучастниками" великого по своей простоте "действия", что "запрограммировано" автором по своей ли или Божьей воле (кто скажет?). Мы чувствуем свое присутствие на страницах "Сорочинской ярмарки", "Вечера накануне Ивана Купала", "Майской ночи...", "Пропавшей грамоты", "Ночи перед Рождеством", "Страшной мести", "Старосветских помещиков", "Заколдованного места", "Тараса Бульбы", "Вия"...

Разве же не вызывает в нас прилива патриотизма такой отрывок из "Тараса Бульбы":

"Отыскался след Тарасов. Сто двадцать тысяч козацкого войска показалося на границах Украйны. Это уже не была какая-нибудь малая часть или отряд, выступивший на добычу или на угон за татарами. Нет, поднялась вся нация, ибо переполнилось терпение народа, — поднялась отомстить за посягание прав своих, за позорное унижение своих нравов, за оскорбление веры предков и святого обычая, за посягание на церковь, за бесчинства чужеземных панов, за угнетенье, за унию... Известно, какова в Русской земле война, поднятая за веру: нет силы сильнее веры. Непреоборима и грозна она, как нерукотворная скала среди бурного, вечно изменчивого моря. Из самой середины морского дна возносит она к небесам непроломные свои стены,

вся созданная из одного цельного, сплошного камня. И горе кораблю, который нанесется на нее! В щепы летят бессильные его снасти, тонет и ломится в прах все, что ни есть на нем, и жалким криком погибающих оглушается пораженный воздух..."

Не возникает ли ассоциации с днем нынешним? И не ждет ли тех, кто разрушает Россию по указке с Запада и Востока, участь того "корабля", что наткнулся на риф народной войны за веру, за Родину? Похоже, что они этого и боятся: недаром пропаганда "веротерпимости", "общечеловеческих" ценностей постоянно слетает с "уст" подконтрольных СМИ! Россию хоят... раздробить повсюду, навязав антипатриотизм и массу различных религий: от разновидностей христианства до... язычества, восточных суеверий... Народ, что позабыл корни свои, где каждая семья может быть разобщена, по религиозному принципу, — погибший народ, обреченный на вечную смуту и брожение! Крепки народ и государство национальной гордостью, традициями великих предков и верой единой! Иначе не бывает. История тому порукой! "Плюрализм", навязанный нам "сверху", был... первой "миной" под фундамент единого государства! Его "крестные отцы" знали, на что идут — на уничтожение российской государственности, создаваемой тысячелетиями!

ЧТО МЫ ПОЛУЧИЛИ, каждому видно. Нравится? Мне — нет! Для меня, как и для всех патриотов России, — нынешний "раздрай" неприемлем! Нельзя сплести религиозий (учитывая огромные массы россиян, исповедующих ислам, буддизм...), так необходима... национальная идея! Ее не раз и не два уже выдвигал, как наше идеологическое оружие, Г.А.Зюганов! Державность, Православие, Народность — вот три "кита", на которых издревле держалась российская государственность. И не нужно "изобретать велосипед": нужно лишь возродить все то, что было разрушено или... сознательно замалчивалось долгие годы! Тогда Россия и ее народ возродятся, как легендарный Феникс из пепла, и уже никто и ничто не остановит ту гоголевскую Тройку, что на слуху вот уже второе столетие!

Читая Гоголя, можно и нужно пробуждать в русском народе уважение к славному прошлому своему, традициям, языку, Православию, общинности — тому, чем и был крепок российский колосс! ...Свойственные "раннему" Гоголю трогательная любовь к своему народу, упоение красотами украинского пейзажа, мягкий, беззлобный юмор, одобренный как бы малороссийским сладким медом и вкуснейшей сметаной, с таким аппетитом поедаемыми его героями, "нестрашные" русалки, черти, ведьмы, колдуны, гордость за историю своего края — истока славянской культуры и государственности — постепенно трансформируются в нечто иное: сатиру, которая беспощадно разоблачает одних и стоически защищает других. Таков Гоголь, представший нам со страниц "Носа", "Невского проспекта", "Шинели", "Записок сумасшедшего". Венцом, апофеозом этой злой, бичующей, сатиры стали, разумеется, всем знакомые "Ревизор" и "Мертвые души". Временами кажется, что Николай Васильевич в своих "поисках" заходит слишком далеко, и хочется крикнуть: "Хочу в Диканьку"! Фантазмагоричность его становится временами нарочито мрачной, подчас несет элемент... безнадёжности! Как он — Гоголь "зрелый" — отличается от юного, тянущегося к добру, "мужицкому", юмору восторженного певца-поэта, прославившего незабвенную "Диканьку", "Миргород", окрестные села и местечки, города и городки!

Конечно, совсем по-иному воспринимается "почти трагическая" история Акакия Акакиевича Башмачкина, сделавшего возможным носить красивую, новую шинель целью своей тяжелой, чиновничьей жизни, а когда мечта была разрушена грабителями, умершего "скоропостижно в горячке". Нежная, трогательная повесть о "маленьком человеке", даже завершившаяся с присутствующим элементом "черного юмора", и фантастический финал — с появлением призрака, напоминающего Акакия Акакиевича и отбрасывающего шинель уже у своего начальника, — не оставляет романтических иллюзий, которых "набираешься", прочитав "Миргород" или "Вечера на хуторе близ Диканьки". Бунин в своих "Записках Арсеньева" вспоминает известные слова Гоголя: "Петербург, снега, подледы, департамент — все это мне снилось: я проснулся опять на родине". Ах! Не любил Николай Васильевич чиновничье бюрократическое племя — это точно! Не любил потому, что знал, сколько оно вредносно.

Разве не многочисленным "коллежским регистраторам", возведенным в ранги министров и "представителей", "секретарей" и вице... народ и Россия "обязаны" тому хаосу, развалу, что царит в стране... сверху — донизу? Разве не видим мы "плодов" "приватизации", "либерализации", "демонополизации" и прочих "...адий", затеянных оставшими "доцентами", "младшими научными сотрудниками", "обозревателями" журнала "Мурзилка",

ВПРОЧЕМ, разве одним "городничий" свойственны те пороки, что Гоголь описывал? Не найдете ли вы, читатель, среди более высоких господ таких же "городничих" по духу своему? И не беда ли сегодняшней России, что именно "городничие" нынче "правят бал"? Расставив по "присутственным местам" разных "лично преданных" — тяпкиных-ляпкиных, земляник, хлопковых, шлекиных, гибнеров, люлюковых, растаковских, коробкиных, ухвертовых?... Ну а что маячат на горизонте российской политики "деятели", напоминающие и "манерами", и способами "изъясняться" знаменитого держиморду, и — не дай Бог — встанут "у руля" государства "волею судеб" и будут править "по-держимордовски" — это ли не факт "из биографии"? А разве не заменяют нынче бобчинских и добчинских некоторые средства массовой информации, закономерно прозванные в народе средствами "массовой дезинформации", "прогрессивные" журналисты и обозреватели некоторых "либеральных" изданий и каналов? Разве не благодаря им сидит российский обыватель в информационных тисках, совершенно сбивый с толку, как осужденный на казнь, идущий к стене или виселище... с завязанными глазами?

...Касательно же Павла Ивановича Чичикова — так они, чичиковы, как будто и рождены для нынешнего времени! Ловкие пройдохи, умеющие "из дерьма" делать "зелененькие", разные "организаторы" и "попечители" фондов, банкиры, бизнесмены, нажившие за короткий срок баснословные состояния на людской доверчивости, плюшкинской скаредности, ноздревском авантюризме, маниловской мечтательности о том, как разбогатеть... не выходя из дома, изначально свойственных русскому обывателю, — разве это не идейные последователи Павла Ивановича, переплюнувшие свой прототип, воспользовавшись мутной волной "перестройки" и "реформ"?

Некоторые глашатаи "демократизации" в свою пору приписывали Гоголю видение грядущего "тоталитаризма", пытаясь уверить нас в том, что писателя занимали не язы буржуазно-помещичьей России эпохи Николая "Палкина", а... события, развивающиеся после Октября 1917 года! Мол, какой Гоголь молодец: и сталинскую систему "вычислил", и "брежневский застой" предвосхитил!

Что можно сказать по этому поводу? Конечно, во всем можно усмотреть намеки, но... стоит ли конкретные вещи втискивать в рамки выгодных "гипотез"? Хоть и могли в социалистический период встречаться "отдельные" городничие, хлестаковы, чичиковы, но типичными для того периода они не были! И не могли быть: потому что были в нем инородными телами, вроде... соринки в глазу!

Упомянутые "господа" типичны именно для формаций, где деньги и власть — неразделимы, где господствует мафиозно-компардорский капитализм, где народ от власти удален, где вовсю идет разгул чиновничье-бюрократического произвола!

И чем дальше будут "двигаться реформы", тем больше будет в России чичиковых, городничих, держиморд, хлестаковых и иных их собратьев! И это — факт непреложный!

...Николай Васильевич Гоголь был человеком совестливым! Перечитывая свои произведения, он терялся в догадках: а как сатира может отразиться на судьбах России и ее народа? Не приведет ли гротесковый показ действительности к "брожению умов", "к нигилизму" и, как следствие, — к социальному взрыву? Ведь демонстрируя "язы общества" и не давая людям альтернативы этому, альтернативы правдоподобной, дееспособной и эволюционной, можно завести людей в нравственный тупик, выход из которого грезится лишь один — великий мятеж, великие потрясения! Насилия "поздний" Гоголь не приемлил.

Картины из "Тараса Бульбы" уже не вызывали в нем былой радости: грезились горящие города и села, повешенные на яблонях крестьяне, черная армия сатаны, сметающая все на своем пути... В противовес злой сатире "Ревизора" и первого тома "Мертвых душ" Гоголь хотел создать произведение жизнеутверждающее, поучительное, наполненное глубоким нравственным содержанием. Мы знаем, что такого продолжения Николай Васильевич написать не смог: жизнь не давала прототипов!

Земного бытия ему отпущено было всего... неполных 43 года (!) — "потом — молчанье". Как много мог бы Гоголь еще написать, донести до нас свои мысли!

...Он был одним из наших пророков, тех, кто, по выражению Пушкина, "глаголом жер сердца людей". А провозвестникам высшей воли долгого века почему-то не дано?! Разве не завещанием Гоголя-пророка звучат ныне строки из второго тома "Мертвых душ":

"...Дело в том, что пришло нам спасать нашу землю; что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплемennых языков, а от нас самих; что уже, мимо законного управления, образовалось другое правление, гораздо сильнее, всякого законного... И все будет безуспешно, пока не почувствовал из нас всяк, что он так же, как в эпоху восстанья народ вооружался против врагов, так должен восстать против неправды..."

Да! Нас спасет лишь правда! Жить по лжи — невозможно: мы это видим, видим ежедневно и ежечасно!

Впрочем, мы ведь исходим "из земли, что не любит шутить"! Значит, скоро вновь завьется над дорогой истории знаменитая "птица-тройка" — символ неисчерпаемости и бессмертия России, ее народа, его неистребимой славянской души! В добрый путь, Россия!

Владимир КРЫЛОВ.

Тверь.

Гравюра Ю. СЕЛИВЕРСТОВА.